

ЛИТЕРАТУРА XIX века

(до 1880 г.)

В XIX веке литературный процесс особенно тесно связан с историческими событиями, поэтому необходимо вкратце перечислить важнейшие из них.

В начале XIX в. влияние Франции на жизнь Нидерландов, которое после образования Батавской республики в 1795 г. и так было весьма значительным, усилилось еще больше: Наполеон, провозгласив себя в 1804 г. императором Франции, вскоре преобразовал Батавскую республику в Голландское королевство и сделал своего младшего брата Луи Наполеона королем Голландии. В 1810-м это королевство было упразднено, и Нидерланды вошли в состав Французской империи. В 1813 г., после поражения Наполеона в «Битве статхаудер Вильгельм V Оранский вернулся из Англии в Нидерланды, и его сын вскоре был коронован как Вильгельм I. С этого времени Нидерланды становятся королевством.

После окончательного разгрома Наполеона в битве при Ватерлоо в 1815 г. на Венском конгрессе было принято решение о создании на территории нынешних Нидерландов и Бельгии Объединенного Нидерландского королевства (Koninkrijk der Nederlanden) с Вильгельмом I во главе. Однако это слияние Северных и Южных Нидерландов, уже более двух веков живших врознь, не было плодотворным: Вильгельм I начал внедрять нидерландский язык в качестве официального на территории Фландрии и Брабанта, чем вызвал недовольство и у разучившейся говорить по-фламандски знати, и у валлонской части населения, усмотревшей в этом угро-

зу своему языку и своей культуре. Кроме того, католические Южные Нидерланды с опаской относились к новой кальвинистской центральной власти. Острые разногласия возникли и из-за «школьного вопроса»: Вильгельм I был противником сугубо католического образования и вел политику ограничения роли католической церкви в сфере народного просвещения. В результате всех этих и многих других факторов в 1830 г. жители Брюсселя, вдохновленные примером Июльской революции во Франции, подняли в конце августа восстание, которое вскоре переросло в Бельгийскую революцию. В итоге в 1831 г. было создано Королевство Бельгия с королем Леопольдом I во главе. Королевство Нидерланды, после неудачной попытки вернуть Бельгию, в 1839 г. признало независимость нового государства.

Интересно отметить, что в годы после Венского конгресса происходит самое тесное за всю историю династическое сближение между Нидерландами и Россией, между домом Оранских и домом Романовых: в 1816 г. заключается брак между наследником нидерландского престола, будущим королем Нидерландов Вильгельмом II и сестрой императора Александра I великой княжной Анной Павловной. Ее преемница королева Софи, жена Вильгельма III, была дочерью другой сестры Александра I, Екатерины Павловны.

В середине века доминирующим течением в политической жизни Северных Нидерландов был либерализм, в основе которого лежит представление о свободе и правах отдельного человека как базе общественного и экономического порядка. Важным результатом борьбы либералов стал пересмотр в 1848 г. Конституции Нидерландов (*Grondwetsherziening*) в соответствии с рекомендациями комиссии, возглавляемой крупнейшим политиком XIX в. Й. Р. Торбеке (J. R. Thorbecke). Страна была преобразована в парламентскую конституционную монархию. Такое политическое устройство сохранилось до сих пор.

В XIX в. Нидерланды остаются колониальной державой с колониями в Вест-Индии (острова Карибского моря) и, главное, в Ост-Индии (так называемая Нидерландская Индия, современная Индонезия). До конца XVIII в. Нидерландская Индия находилась в ведении основанной в 1602 г. Объединенной Ост-Индской компании (*Vereenigde Oost-Indische Compagnie*), которая постоянно расширяла территорию своего влияния. В результате англо-голландской войны 1780–1784 гг. и изменения международной эконо-

номической конъюнктуры Ост-Индская компания в конце века обанкротилась и была ликвидирована. В годы зависимости Нидерландов от Франции Нидерландская Индия несколько раз перешла из рук в руки, но с 1814 г. на острова вернулась нидерландская колониальная администрация с генерал-губернатором во главе, и эта колония стала подчиняться непосредственно нидерландскому правительству и нидерландскому королю. Довольно скоро Ост-Индия начинает играть все большую роль в нидерландской литературе и культуре в целом. Если в XVII в. до нее добирались только отважные моряки, оставившие нам свои отчеты о своих плаваниях, а XVIII в. дал в основном научные описания экзотической флоры и фауны этих мест, то в XIX в. Ост-Индия втягивается в общенидерландский литературный процесс. Колониальные чиновники с семьями образуют уже самостоятельную культурную среду, здесь издаются газеты и пишутся романы. Колониальная тема (угнетение местного населения, неспорченные нравы туземцев, красота экзотической природы и т. п.) начинает занимать важное место в нидерландской литературе.

В Бельгии большая часть XIX века проходит под знаменем Фламандского движения (*De Vlaamse Beweging*). Дело в том, что после отделения Бельгии от Нидерландов французский стал в этой стране единственным государственным языком: на нем говорили вся офранцузившаяся социальная верхушка, не только в Валлонии, но и во Фландрии. На французский язык перешли все государственные и общественные институты: правительственные учреждения, суд, армия, школа. В казармах и в университетах за употребление фламандского языка полагалось наказание. Французский язык оставался единственным официальным языком Бельгии до 1878 г., хотя для 58% населения родным был тот или иной диалект фламандского. Участники Фламандского движения боролись за развитие фламандского самосознания и за повышение статуса фламандского языка.

Если в XVIII веке — в Век Разума — большинство представителей интеллектуальной элиты были светскими людьми, то в XIX веке в литературе наблюдается усиление религиозных настроений. В Северных Нидерландах многие литераторы-кальвинисты увлеклись общеевропейским движением «*Het Reveil*» («Пробуждение»), призывавшим к возрождению протестантизма в его первоначальном виде, к глубоко личной причастности к христианству.

Кроме того, значительное место в литературе стали занимать поэты-пасторы (*dominee-dichters*), которые писали правоучительные стихи, наставлявшие читателей в добродетели (см. главу о Николасе Бейтсе). Северно-нидерландские католики, в первую очередь поэт и искусствовед Й. А. Албердинк Тейм (J. A. Alberdingk Thijm, 1820–1889) и его последователи, также громко заявляют о себе. В Южных Нидерландах важным очагом Фламандского движения стала католическая семинария в Русселааре, где преподавал величайший фламандский поэт XIX в. Гидо Гезелле, возвративший целую плеяду поэтов-священников. Северные и южные литераторы-католики издавали совместный журнал (*“Dietsche Waagande”*, *досл.* «Нидерландский сад»).

Литературным направлением, занимавшим центральное место в XIX веке, был, несомненно, романтизм, возникший как реакция на рассудочность классицизма и Просвещения. Для романтизма человеческие чувства важнее разума, в центре внимания находятся сильные личности с их пылкими страстями, яркие индивидуальности, противостоящие обыденности повседневной жизни. Герою-романтику плохо здесь и сейчас; он бежит от окружающей реальности — либо в прошлое (отсюда жанр исторического романа и интерес к фольклору), либо в далекие страны (для Нидерландов это чаще всего Ост-Индия). Романтик может найти отдушину в природе и в религии или активно бороться против окружающей несправедливости или пошлости. Чувство юмора — также черта романтизма: мир становится более сносным, если на него смотреть с иронией. Все эти варианты романтизма можно найти в нидерландской и фламандской литературе XIX века. Со временем характер романтизма меняется: если в начале века на первом плане был образ романтического героя, то к середине века возрастает интерес к общественным проблемам: современному бесцветному обществу писатели противопоставляют героическое прошлое своего народа и призывают соотечественников к его возрождению. В качестве рупора для своих идей они используют литературно-критические журналы. Романтизм постепенно уступает место реализму.

Первый в нидерландской литературе поэт, который был бесспорным романтиком и по творческим принципам, и по типу личности, — это, несомненно, **Виллем Билдердейк** (*Willem Bilderdijk*, 1756–1831). В стихотворении «Искусство поэзии» (*“De kunst der*

roëzie”, 1809) он излагает свое кредо поэта-романтика. По его представлениям, поэзия никак не связана с игрой ума или воображения, поэт ничего не выдумывает и не сочиняет. Ибо поэту дано интуицией, через «чувство своего сердца» (*hartsgevoel*) постичь Бога, частица которого горит у него в душе; поэту как посреднику между Богом и людьми надо всего лишь фиксировать то, что ему открывает Бог. Билдердейк писал очень много и очень быстро; иногда он впадал в экстаз и часами диктовал стихи жене, едва успевавшей их записывать. Космический образ поэта, чей дух возносится над землей и согревает Вселенную, он нарисовал тремя годами раньше в оде «Наполеон» (*“Napoleon”*, 1806), написанной по заказу секретаря Луи Наполеона:

<...> *d'aardschen dampkring uitgeschoten,
Het aardrijk met den voet te stooten,
Zie daar, het geen den Dichter maakt!*

Вырваться из атмосферы, окружающей землю,
Оттолкнуть землю ногой,
Вот что делает поэт!

Жизнь Билдердейка как истинного романтика была полна необыкновенных событий. Он с самого детства рос не такой, как другие. В возрасте пяти лет он серьезно повредил ногу, из-за чего до десяти лет не вставал с кресла и не общался со сверстниками. Зато благодаря богатой библиотеке своего отца прочитал множество книг и стал энциклопедически образованным человеком. Сам Билдердейк утверждал, что в полтора года (!) знал и всеобщую, и библейскую историю, а также античную мифологию, освоил Гейдельбергский катехизис и сочинения Якоба Катса. В два года, по его словам, он мечтал, чтобы Господь избавил его от этого мира (*“verlost te worden uit deze wereld”*), а в три написал свое первое любовное письмо к соседской девочке, в котором упо-

Портрет Билдердейка
(худ. Ч. Х. Ходжес,
1764–1837)

минал, в частности, ее «коленки цвета слоновой кости» (ivogen kniejes). Если этому трудно поверить, то несомненен тот факт, что Билдердейк разбирался в самых разнообразных областях, таких как математика, перспектива, рисование, геология, астрономия, военное искусство, история, знал европейские языки, иврит, арабский, персидский, готский, латынь и греческий.

Билдердейк за два года (1781–1782) оканчивает курс Лейденского университета, после чего работает адвокатом в Гааге. В студенческие годы публикует свой первый сборник «Мое слаждение» (“Mijn verlustiging”), содержащий как переводы из Эпикура, так и собственные стихи в эпикурейском духе. В 1785 г. он женится на Катарине Ребекке ван Вустховен. Как гаагский адвокат и убежденный монархист, Билдердейк — противник партии Патриотов и сторонник статхаудера Вильгельма V. В 1795 г., когда в Нидерланды вступают французские войска и устанавливают новые порядки, основанные на завоеваниях Великой французской революции — «свободе, равенстве, братстве», гражданам Нидерландов, занимающим заметное общественное положение, вменяется в обязанность доказать свою лояльность французским властям, подписав «Декларацию прав человека и гражданина». Билдердейк наотрез отказывается, и в результате получает предписание покинуть страну в 24 часа, что и делает. Через Германию Билдердейк добирается до Англии, надеясь и на чужбине служить находящемуся здесь в изгнании Вильгельму V. В Лондоне поэт зарабатывает на жизнь уроками: в качестве учителя появляется в доме давно уже перебравшегося в Англию гаагского художника Х. В. Швейкхардта (H. W. Schweickhardt) и учит трех его дочерей нидерландской словесности. Между сорокалетним поэтом и одной из девушек, девятнадцатилетней Катариной Вильгельминой, будущей художницей и поэтессой, вспыхивает любовь. В поисках выхода из возникшей ситуации Билдердейк, для которого мнение людей ничего не значит, обращается к Богу и пишет свое знаменитое стихотворение «Молитва» (“Gebed”):

Genadig God, die in mijn boezem leest!
Ik vlied tot U, en wil, maar kan niet smeeken.
Aanschouw mijn nood, mijn neêrgezonden geest,
En zie mijn oog van stillen tranen leken!

<...>

Ja, wond of heet; verhef, of druk my nekt:
'k Aanbid uw wil, hoe duister in mijne oogten:

Ik offer me op, en zwijg, en wensch niet meer:
'k berust in U, zie daar myn eenigst pogen!

Ik zie op U met kinderlyk ontzag:
Met Christen hoop, noch lauw noch ongeduldig.
Ach leer Gy my, het geen ik bidden mag!
Bid zelf in my: zoo is myn beë onschuldig.

Милостивый Бог, читающий в моей душе!
Прибегаю к Тебе, и хочу, но не могу умолять.
Лицезри мою нужду, мой низко упавший (горестный) дух
И смотри, как из глаз моих текут тихие слезы.

<...>

Да, рань, или испели, или придави меня к земле,
Я склоняюсь перед твоей волей, какой бы неисповедимой
она мне ни казалась
я жертвую собой, и молчу, и ничто больше не желаю:
Я покоряюсь Тебе, вот мое единственное стремление!

Я смотрю на тебя с детским восхищением:
С христианской надеждой, без вялости, без нетерпения,
Ах научи меня, о чем я должен молить!
Молись во мне сам: тогда моя молитва будет чиста.
Милостивый Бог, читающий в моей душе!

В итоге поэт заявляет о том, что перед Богом считает свой первый брак расторгнутым и потому может жениться на Катарине Вильгельмине. Девушке и ее родителям такое решение облегчения не приносит; о переживаниях Катарины можно судить по ее ежедневным письмам к Билдердейку. Но вскоре у нее появляется возможность переехать в Германию, к своей замужней сестре, где она не будет у всех на виду. Билдердейк следует за ней. Здесь, в Брауншвейге, они часто видятся, но, хотя у них рождается трое детей, продолжают жить раздельно. В творчестве Билдердейка это один из самых продуктивных периодов. Наконец, в 1802 г. поэт официально разводится с первой женой и женится на Катарине Вильгельмине, а в 1806 г. супруги переезжают в Голландию. Волнение поэта при встрече с отечеством выразилось в стихотворении «К голландскому берегу» (“Aan den Hollandschen wal”).

Билдердейк становится учителем Луи Наполеона, пожелавшего выучить язык своих подданных. Неизменным успехом пользуются анекдот о том, как Луи Наполеон, выступая перед голландцами, хотел начать речь фразой «Я ваш король» (“Ik ben jullie koning”), но в слове «король» сделал ударение, как во французском, на последнем слоге, так что все услышали, что он говорит: «Я ваш кролик» (“Ik ben jullie konijn”). Упразднение Голландского королевства стало для Билдердейка ударом, в том числе и потому, что он в очередной раз остался без средств к существованию. Охваченный предчувствием приближающейся смерти, он написал знаменитую поэму «Прощание» (“Afscheid”, 1810), которую прочитал на заседании Голландского общества наук и искусств (Hollandsche Maatschappij van Weetenschappen en Kunsten). Он называет себя лебедем, поющим свою лебединую песню:

Waar Meanders zilveren water door zijn kronkelbochten schiet,
Groet de Zwaan haar stervensstonde met een zacht en kwelend lied

<...>

Wis, gij zingt den frissen stromen 't teer, 't aandoenlijk afscheid toe;
En gij doet, geliefde zanger, wat ik op uw voorbeeld doe!

<...>

Roemen u de stroomnadjaden van uw' spiegelheldren plas!
Slechts een traan in Hollandse ogen zegge' van mij: DE DICHTER WAS!

Ach de dagen
Onzer plagen,
Lieve broeders, gaan voorby
Uit dit duister
Rijst de luister
Van een nieuwe heerschappy.

Holland groeit weér!
Holland bloeit weér!
Hollands naam is weér hersteld!
Holland, uit zijn stof verzezen,
Zal op nieuw ons Holland wezen;
Stervend heb ik 't u gemeld!

Где серебряные воды Меандра мчатся, извиваясь,
Лебедь приветствует свой смертный час тихой и заливистой песней

<...>

Конечно, ты обращаешь к свежим потокам нежное, трогательное
прощальное пение,
Ты делаешь это так же, как я, любезный певец, делаю по твоему образцу!
<...>

И тебя приветствуют речные наяды твоего зеркально-чистого водоёма!
Пусть хоть одна слеза в глазах Голландии скажет обо мне: ПОЭТ БЫЛ!

Ах, дни
Наших страданий,
Любезные братья, минуют,
Из тьмы
Поднимется красага
Нового владычества.

Голландия снова будет расти!
Голландия снова будет цвести!
Имя Голландии будет восстановлено!
Голландия, восставшая из праха,
Снова станет нашей Голландией,
Умирая, я сообщил вам об этом!

В 1813 г. Билдердейк приветствует освобождение Голландии от французов и возвращение Вильгельма Оранского на родину стихотворением «Избавление Голландии» (“Hollands verlossing”). Поэт рассчитывал, что теперь его пригласят преподавать в амстердамский Атенеум (предшественник Амстердамского университета), однако профессорам Атенеума были известны антилиберальные взгляды Билдердейка и его тяжелый характер, поэтому они не захотели видеть его своим коллегой. В результате поэт переехал в Лейден, где стал преподавать отечественную историю. Он призывал своих учеников к возрождению и обновлению веры в Бога и к борьбе против безбожных идей Просвещения, против науки, считающей, что человек может постичь тайны мироздания собственным умом. В частности, в 1817 г. он пишет поэму «Животные» (“De dieren”), утверждающую, что животные — это падшие ангелы. Его пламенные лекции находили отклик в душах студентов, вокруг него образовался кружок единомышленников. Среди его учеников был отпрыск португальских евреев Исаак да Коста (Isaac da Costa, 1798–1860), который под влиянием Билдердейка перешел из иудаизма в протестантизм, начал писать стихи и стал одним из лидеров движения “Reveil”. В 1823 г. на

лейденскую общественность произвел тяжелое впечатление памфлет Да Косты с характерным названием «Возражения против духа времени» (“Bezwaren tegen den geest der eeuw”), в котором он противопоставлял милость Божию — единственный источник всех благ — самоуверенности либералов, считающих, что они своими силами могут чего-то добиться.

В 1827 г. Билдердейк с семьей переезжает из Лейдена в Харлем, где в 1830 г. умирает его жена, а через год и сам поэт.

В XIX в. поэзию Билдердейка необычайно ценили, считая высшим достижением нидерландской словесности. Множество его стихов включил в свой «Опыт нидерландской антологии» (1840) П. А. Корсаков. Поэт Виллем Клос, лидер течения «восьмидесятников» (см. следующую главу), считал Билдердейка одним из немногих предшественников, понимавших суть вдохновенной лирической поэзии. Но XX век развенчал Билдердейка, усмотрев в его стихах чрезмерную патетичность и многословие.

А. К. В. Старинг (Anthony Christian Winand Staring, 1767–1840), поэт, юрист и землевладелец, родившийся и проживший большую часть жизни в области Ахтерхук в провинции Гелдерланд, вдали от больших городов, был более рациональным человеком, чем Билдердейк. Он с ответственностью подходил к своим обязанностям землевладельца: окончив факультет права в Хардервейке, он от правился получать сельскохозяйственное образование в Германии, после чего организовал хозяйство в собственном имении Вилденборх (De Wildenborch) по последнему слову науки и техники. Здесь же, в Вилденборхе, он открыл школу для детей крестьян и сельскохозяйственных рабочих: вероятно, внимание к жизни крестьян связано с его интересом к фольклору его родного Ахтерхука. С той же ответственностью Старинг походил и к сочинению стихов: оттачивал каждую строку, доводя ее до совершенства. Его первый сборник лирики «Первые опыты в

А. К. В. Старинг
(худ. неизвестен)

поэзии» (“Mijne eerste proeven in roëzij”) вышел в 1786 г., однако как о зрелом поэте о Старинге можно говорить лишь начиная со сборника 1820 г. «Стихи» (“Gedichten”), где было напечатано его знаменитое «К луне» (“Aan de maan”):

Toon ons uw luister, o zilveren Maan!
Rijs uit het meet.
Lach den zwerpenden scheepeling aan.
Straal, op 's wandelaars donkere baan,
In uw lieflijkheid neer...

Покажи нам твою красоту, о серебряная Луна!
Взойди из моря.

Улыбнись странствующим мореходам.
Освети, очаровательная, своими лучами
Путникам темную дорогу!

В следующих двух сборниках: «Новые стихи» (“Nieuwe Gedichten”, 1827) и «Зимняя листва» (“Winterloof”, 1832) — кроме лирики (в том числе «Песни урожая» — “Oogstlied”) опубликованы также его эпиграммы (puintdichten), по остроумию, лапидарности и афористичности сравнимые с эпиграммами Гейгенса:

“Kaptein!” — “Waar zit je! Kom! Dit bosch is niet te trouwen.”
“Ik Heb twee Gevangnen!” — “Brenge ze meê.” —
“Ik word door beide vastgehouden,
En kan niet van de steê.”

— Капитан! — Ты где? Иди сюда! Этот лес опасен!
— У меня двое пленников! — Веди их с собой!
— Они крепко держат меня,
И я не могу двинуться с места.

De rijpe Kennis hoort,
De onrijpe neemt het woord.

Зрелое знание внимает,
Незрелое берет слово.

De Meester in zijn Wijsheid gist
De leerling in zijn Waan beslist

Учитель в своей мудрости строит предположения,
Ученик в своем заблуждении принимает решение.

И, наконец, необходимо остановиться на его *dichtertijlke vegtelling* — повестях в стихах, в которых он остроумно и живо рассказывает увлекательные истории: для «Марко» (“*Marco*”) он использует, существенно переделав, сюжет «Золотого осла» Апулея, в цикле о Яромире — фольклорный сюжет о «вечном студенте»-теологе в Карловом университете в Праге, который раздразнил дьявола своим неосмотрительным поведением, пустившись на хитрости ради пропитания:

Een oud-Student, dien 'k Jaromir zal noemen:
Een Theoloog; befaamd aan Karels school te Praag
Voog twee raag eeuwen; mocht zich goemen
Van een gezonde МААГ;
Maag, achi! Zijn BEURS lag ziek!

Вечный студент, которого я назову Яромиром,
Теолог, славившийся в Карловом университете в Праге
На протяжении двух веков, мог похващаться
Здоровым ЖЕЛУДКОМ,
Но ах! Его КОШЕЛЕК был болен.

Яромир отправляется обедать в таверну и с помощью найденных в канаве коровьих копыт и хвоста выдает себя за черта, так что его бесплатно кормят и поят, — но потом настоящий черт начинает мстить самозванцу.

В середине XIX века огромное влияние на умы нидерландцев имел литературно-критический журнал “*De Gids*” («*Вожатый*»), который начал выходить в 1837 г. Его роль в литературном процессе в Нидерландах можно сравнить с ролью некрасовского «Современника» в русской литературе того же периода, а общественный резонанс от публикуемых в нем статей — таких авторитетных критиков, как Э.Й. Потхитер и К. Бюскен Хюэт, — с резонансом от статей Н.А. Добролюбова и В.Г. Белинского в России.

Эверардус Йоханнес Потхитер (Everardus Johannes Potgieter, 1808–1875) был одержим идеей возродить нидерландскую литературу, находившуюся, по его мнению, в состоянии зимней спячки и утратившую ту художественную выразительность и ту общественную значимость, которую она имела в XVII веке. Потхитер был критиком, писателем и коммерсантом; как коммерсанту ему доводилось подолгу жить за границей (в частности, в Швеции),

что позволяло ему взглянуть на отечественную словесность со стороны. Он видел, что она отстает от общеевропейского уровня, и решил основать такой журнал, в котором будет печататься непредвзятая, нелицеприятная критика, способная разбудить нидерландских писателей и указать им путь (отсюда название журнала). Его перу принадлежат сотни критических статей об английской, французской и немецкой литературе, на примере которых он хотел объяснить соотечественникам, как надо писать. Его разбор новинок нидерландской литературы бывал весьма резким, многие писатели настолько боялись его критики, что журнал “*De Gids*”, выходявший в синей обложке, скоро получил прозвище «синий палач» (“*de blauwe beul*”). Идеолом патриота Потхитера было нидерландское искусство XVII века. Главная сила художников Золотого века состояла в их стремлении и умении правдиво изображать реальность, считал Потхитер. Точно так же и современная литература должна иметь исходную точкой действительность. Восхищение XVII веком и недовольство современностью звучит в рассказе Потхитера «Ян, Яннетье и их младший сын» (“*Jan, Jannetje en hun jongste kind*”, 1841) и в статье «Рейксмузеум в Амстердаме» (“*Het Rijks-Museum te Amsterdam*”, 1844). Потхитер писал и стихи — приведем в качестве примера стихотворение «Голландия» (“*Holland*”), начинающееся запоминающимся описанием голландского пейзажа:

Grauw is uw hemel en storming uw strand,
Naakt zijn uw duinen en effen uw velden.
U schiep natuur met een striefmoeders hand.
Toch heb ik innig u lief, o mijn land!

Серо небо твое и штормит на твоём побережье,
Голы дюны твои и плоски твои поля.
Тебя природа создала рукой мачехи,
Но я искренне люблю тебя, о моя страна!

Э.Й. Потхитер
(худ. Д.Й. Слейтер)

Весьма примечателен сборник Потхитера «Песенки Бонтеку» (“Liedekens van Boentekoe”, 1840), содержащий стилизации под старину: эти залихватские песни якобы пел знаменитый шкипер XVII в. и его команда.

К работе в своем журнале Потхитер привлекал многих талантливых самостоятельно мыслящих критиков. Самым ярким из них был, несомненно, **Конрад Бюскен Хьюэт** (Conrad Busken Huët, 1826–1886), теолог по образованию, с университетских лет занимавшийся так называемой «современной теологией» (“moderne theologie”), около десяти лет проработавший пастором в Харлеме, но отказавшийся от духовной карьеры.

В 1863 г. Хьюэт становится редактором журнала “De Gids”. Благодаря его острым статьям, глубоко продуманным и блестяще написанным, журнал поднялся на небывалый уровень. Как литературовед Бюскен Хьюэт использовал так называемый «биографический» метод французского критика Сент-Бёва, состоящий в том, что критик, прежде чем сформировать свое мнение о произведении, должен пытаться влезть в шкуру автора и посмотреть на текст изнутри. Бюскен Хьюэт писал критические статьи всю жизнь. Позднее они были объединены в сборники; с 1868 г. по 1886 г. вышло 25 томов его «Литературных фантазий и критических статей» (“Literarische fantasieën en kritieken”).

Впрочем, Бюскен Хьюэт проработал в журнале недолго: уже в 1865 г. разразился скандал в связи с двумя его статьями, в одной из которых он критиковал вышеупомянутого политика Торбеке, а в другой, посвященной литературному альманаху «Аврора», в качестве полемического приема вложил свою собственную отрицательную оценку альманаха в уста королевы Софи. Возмущены были все: от редакционного совета журнала до самой королевы. На стороне Бюскена Хьюэта остался один Потхитер, настаивавший на том, что литературная критика всегда и везде должна оставаться свободной. В конце концов оба ключевых редактора покинули журнал. Первое, что они предприняли после этого, была поездка во

Конрад Бюскен Хьюэт
(худ. Исаак Израэлс,
1865–1934)

Флоренцию на празднование шестисотлетия Данте. Этому городу Потхитер вскоре посвятит поэму «Флоренция» (“Florence”, 1868). Хьюэт занялся литературным творчеством; его роман «Лидевейде» (“Lidewijde”, 1868), содержащий откровенные сцены, был принят в штыки. Следующие восемь лет писатель прожил в Нидерландской Индии, где работал редактором «Вестника Явы» (“Java-Bode”), оставаясь при этом самым авторитетным литературным критиком Нидерландов. В 1876 г., после очередного скандала, ему пришлось переехать во Францию. До конца дней он прожил в Париже, где написал два важнейших культурно-исторических исследования: «Страна Рубенса» (“Het land van Rubens”, 1879) и «Страна Рембрандта» (“Het land van Rembrandt”, 1882–84). Этими книгами он во многом предвосхитил исследования великого культуролога XX в. Йохана Хейзинги (Johan Huizinga, 1872–1945).

В 1830-е годы как в Северных, так и в Южных Нидерландах большим успехом пользовался жанр *исторического романа*,¹ популярности которого во всей Европе способствовали романы Вальтера Скотта, в первую очередь «Айвенго» (1819); созданные Скоттом живописные картины средневековой Шотландии и Англии поражали воображение читателей. Жанр исторического романа замечателен тем, что позволяет писателю-романисту убежать от реальности и идеализировать прошлое. Кроме того, он предоставляет широкие возможности для патристически настроенных писателей (что было особенно важно для фламандских авторов); писатель-патриот может сосредоточить внимание на тех исторических эпизодах, когда его отечество переживало период подъема и славы. Именно на таком подходе к историческому материалу настаивал Потхитер. На Юге крупнейшим мастером исторического романа был Хендрик Консьянс (ему посвящена отдельная глава). Здесь остановимся лишь на нескольких северно-нидерландских авторах.

Первый по времени нидерландский исторический роман принадлежит перу рано умершего писателя **Арнаута Дроста** (Aernout Drost, 1810–1834) и называется по имени главной героини «Хермингард с Дубового терла» (“Hermingard van de Eikenterpen”, 1832).

¹ В русской литературе этот жанр расцветает в эти же годы в творчестве М.Н. Загоскина (1789–1852), И.И. Лажечникова (1792–1869) и А.С. Пушкина.

Терпы — это дошедшие до нас с глубокой древности насыпные участки земли близ северного побережья Нидерландов: чтобы море не смывало постройки и посадки, люди селились и сеяли зерно на терпах. События романа уводят нас в 20-е годы IV века, когда началась христианизация племени батавов. Хермингард узнает об Иисусе Христе от загадочного старца Селестия и вскоре принимает христианство. В центре внимания романа — столкновение новой веры героини с языческими традициями ее соплеменников.

Крупнейшим писателем, работавшим в жанре исторического романа, был **Якоб ван Леннеп** (Jacob van Lennep, 1802–1868). Его произведения пользовались огромным успехом в Нидерландах и переводились на иностранные языки. Так, фрагмент из романа «Приемный сын» (“De Pleegzoon”, 1833), действие которого происходит в Голландии во время Двенадцатилетнего перемирия между Республикой Соединенных провинций и Испанией (1609–1621), вышел на русском языке уже в 1836 г. в журнале «Сын отечества». Тремя веками раньше разворачиваются события романа «Декамская роза» (“De goos van Dekama”, 1836), повествующего о борьбе между графом Голландии Вильгельмом IV и вольнолюбивыми фризами. Главная героиня, дочь фризского дворянина Мадзи Декама, покоряет сердца множества рыцарей, но сама любит одного лишь Деодата. В конце романа молодые люди падают друг другу в объятия. «Декамская роза» также была вскоре переведена на русский и напечатана в «Библиотеке для чтения» в 1841 г. Впрочем, самым удачным произведением Ван Леннепа считается роман «Фердинанд Хэйк» (“Ferdinand Huusk”, 1840), принадлежащий не столько к историческому, сколько к приключенческому жанру.

Анна Луиза Гертруда Босбоом-Гуссен (Anna Louisa Geertruida Bosboom-Toussaint, 1812–1886) была близка к течению “Reveel”, и потому, как и Арнаут Дрост, выбрала для своего главного произведения период, важный с точки зрения истории христианства в Нидерландах, а именно XVI век, время Реформации. Героиня романа «Дом Лауэрнессе» (“Het huis Lauernesse”, 1840) Оттеleine живет в своем фамильном замке близ епископского города Утрехта. Ее жених служит капитаном в армии императора¹ и находится вдали от родных мест. В отсутствие жениха Оттеleine духовно сближается с его матерью, и они вместе открывают для себя новое учение, о котором так вдохновенно рассказывает моло-

¹ Священной Римской империи германской нации.

дой проповедник Паул ван Мансфилд. Когда пожилая женщина тяжело заболевает, ее сын приезжает из армии, чтобы проститься с ней. Прощание обрачивается ужасной сценой: сын, непримиримый католик и борец против ереси, прокликает лежащую на смертном одре мать, а после разрывает помолвку с Оттеleine. В романе «Дом Лауэрнессе» звучит актуальный и в наши дни призыв к верности. Так же актуальна тема романа в письмах «Майор Франс» (“Majoor Frans”, 1874), в котором Босбоом-Гуссен ставит на повестку дня вопрос о женской эмансипации.

Юмористическая литература нашла питательную почву в среде студентов и выпускников Лейденского университета. В XIX в. они составляли особую общность (об этом см. также в главе о Николаесе Бейтсе): в большинстве своем это были отпрыски состоятельных семей, люди интеллектуально развитые, сочтавшие некоторое высокое мерие с беззаботностью. Они чувствовали себя членами единого студенческого братства, много веселились (порой ночи напролет) и совсем не интересовались общественными проблемами. Примечательно, что все писатели-юмористы середины века вышли из этого круга и все печатались под псевдонимами. Кроме Николааса Бейтса (Хилдебранда), назовем еще троих. Это **Йоханнес Кнеппелхаут** (Johannes Kneppelhout, 1814–1885), «вечный студент», прouchивший больше восьми лет, но так и не окончивший курса. Под псевдонимом Ябеда (Kiksraap) он написал остроумную книжку «Типы студентов» (“Studententypen”, 1841), изображавшую развеселые нравы лейденского студенчества. Успех книги был столь велик, что через три года Ябеда выпустил продолжение «Жизнь студентов» (“Studentenleven”, 1844). Второй из них, студент-геолог **Геррит ван де Линде** (Gerrit van de Linde, 1808–1858), в университетские годы повеселился так, что вынужден был уехать в Англию, чтобы спастись от одной из своих подружек и ее родителей, а также от жены своего профессора. В Англии он открыл пансион для детей из богатых семей, имел репутацию солидного учителя (отсюда его псевдоним Учитель — De Schoolmeester), но в свободное время писал искрометные, полные иронии и безудержной игры слов стихи, которые посылал своему другу Якобу ван Леннепу. Тот регулярно печатал их в своем альманахе «Голландия», а после смерти автора издал в виде сборника «Стихи школьного учителя» (“De gedichten van de Schoolmeester”, 1859). Жизнь третьего из них, **Франсуа Хавершмидта** (François Haverschmidt, 1835–1894), сложилась

трагично. Этот теолог и пастор с молодости страдал приступами депрессии и боролся с ними, изображая свои мрачные настроения в юмористическом ключе. Основной его прием — гиперболизировать собственные страхи до комических пропорций, что создает эффект черного юмора, а также чередовать изображение самых романтических переживаний с трезвыми суждениями. С возрастом периоды депрессий становились все продолжительнее, и в 1894 г. он наложил на себя руки. Его самый известный сборник «Рыдания и мрачные улыбки» 1867 г. (обратите внимание на игру слов в названии: “Snikken en grimlachjes”) — своего рода мистификация: во введении, подписанном настоящей фамилией автора, рассказывает о том, что эти стихи ему доверил некто Пит Паалтьенс — бледный студент со впалыми щеками. Приведем фрагменты из стихотворения «Самоубийца» (“De zelfmoordenaar”, 1852):

In het diepst van het woud
— 't Was al herfst en erg koud —
Liep een heer in zijn eentje te dwaalen.
Och, zijn oog zag zoo dof!
En zijn goed zat zoo slof!
En hij tandknerste, als was hij aan 't malen.
'Hal' dus riep hij verwoed,
'k Heb een adder gebroed,
Nee, erger, een draak aan mijn borst hier!
En hij sloeg op zijn jas,
En hij trapte in een plas;
't Spattend slijk had zijn boordjes bemorst schier.
En meteen zocht zijn blik
Naar een eiketak, dik
Genoeg om zijn lichaam te torschen.
Daarna haalde hij een strop
Uit zijn zak, hing zich op,
En toen kon hij zich niet meer bemorsen.
<...>
En de winter vlood heen,
Want de lente verscheen,
Om opnieuw voor den zomer te wijken.
Toen dan zwierf — 't was erg warm —
Er een paar arm in arm
Door het woud. Maar wat stond dát te kijken!

Want, terwijl het, zoo zacht
Koozend, voortliep en dacht:
Hier onder deez' eik is 't goed vrijen,
Kwam een laars van den man,
Die daarboven hing, van
Zijn reeds langverteerdlinkerbeen glijen.
In een wip was de lust
Om te vrijen gebluscht
Bij het paar. Zelfs geen woord dorst het spreken.
't Zag van schrik zóó spierwit
Als een laken, wen dit
Reeds een dag op het gras ligt te bleeken.

В глубине леса,
— Стояла уже осень и было холодно —
Бродил в одиночестве какой-то господин.
Ох, глаза у него были такие туманные!
Одежда сидела на нем мешком!
И он скрежетал зубами, словно что-то перемалывал.
Ха! — вскричал он в бешенстве, —
я вскормил гадюку,
Нет, хуже, дракона, вот здесь, у себя на груди!
И он похлопал себя по пальто,
И ступил в лужу,
И разбрызгавшаяся грязь едва не запачкала его белый воротничок.
И его взгляд тотчас стал искать
Ветку дуба, достаточна
Толстую, чтобы выдержать его тело.
Затем он достал петлю
Из кармана, повесился,
И после этого уже не мог запачкаться.
<...>
И зима пролетела,
Весна пришла,
Чтобы в свой черед уступить место лету.
И тогда — было очень тепло —
Прогуливалась парочка под руку
По лесу. — Как они удивились!
Потому что пока они, нежно
Милуясь, шли дальше и дальше, размышляя:
Здесь, под этим дубом будет хорошо предаться ласкам,

Богинок человека,
Висевшего наверху,
Соскользнул с давно истлевшей левой ноги.

Во мгновение ока желание
Предаваться ласкам прошло
У парочки. Они не решались сказать ни слова.

Выглядели от испуга бельми,
Как пологно,
Которое целый день отбеливалось на траве.

В Южных Нидерландах тем временем происходили важнейшие процессы, в результате которых всего лишь за несколько десятилетий, точно феникс из пепла, возродилась и достигла расцвета фламандская литература.

Первый этап *Фламандского движения* охватывает период приблизительно с 1820 по 1880–1890 годы. «Отцом Фламандского движения» называют **Яна Франса Виллемса** (Jan Frans Willems, 1793–1846), который заложил филологические основы борьбы фламандцев за свой язык и культуру. Он основал Общество содействия нидерландскому языку и литературе (Maatschappij tot bevordering der Nederduitsche Tael- en Letterkunde) и издавал журнал «Belgisch Museum» («Бельгийский музей»). Ему принадлежит заслуга издания средневековых литературных памятников (в том числе «О лисе Рейнарде») и двухтомного сборника «Старинные фламандские песни» («Oude Vlaetische Liederen», 1844 и 1846). Благодаря этим изданиям фламандцы смогли прочитать давно забытые тексты и осознать богатство своей культуры. Фламандское Средневековье было для Я. Ф. Виллемса такой же точкой отсчета в его национальной гордости, как и Золотой век для Потхитера. В период существования Объединенного Нидерландского королевства эти два литератора и патриота не раз встречались и нашли друг в друге единомышленников, исповедующих общие идеалы.

Однако гордость богатством фламандской культуры в Бельгии XIX в. отнюдь не означала, что новые писатели легко подхватят эстафетную палочку и примутся писать по-фламандски, ведь фламандский язык существовал фактически только в устной форме. Вот как об этом писал Гидо Гезелле: «Почти все из нас, кто в наше время имеет мало-мальское образование, подвергались в школе ежедневной обработке, вследствие которой мы научились переливать наши детские мысли, которые прежде высказывали

«Отец Фламандского движения» Ян Франс Виллемс

детства. И как же тяжело нам это дается!»

У фламандцев, ощущавших в себе литературное призвание, был выбор из трех возможностей: писать по-французски — на языке, обладающем богатой литературной традицией и широкой читательской аудиторией во всем мире; писать по-нидерландски с ориентацией на Северные Нидерланды и иметь читательскую аудиторию в двух странах, но тем самым отойти от исконного духа фламандского языка, или писать на фламандском диалекте, оставаясь полностью верным самому себе и своим высоким идеалам, но зная, что читать тебя сможет горстка образованных соотечественников. Писатели, которые пошли по первому пути и рассказали о своей любимой Фландрии по-французски, стали всемирно знамениты. Это Шарль де Костер (1827–1879), автор «Фламандских легенд» (1858), «Брабантских рассказов» (1861) и «Легенды о Тиле Уленшигеле» (1867). В следующем поколении это Морис Метерлинка (1862–1949), использовавший для своих пьес средневековые фламандские сюжеты (например, «Сестра Беатрикса») и переведший на французский язык трактат фламандского мистика Рюйсбрука¹, снабдив его восьмидесятистраничным пре-

¹ Русский перевод: Рэйсбрук удивительный. Одеяние духовного брака. М., 1910.

дисловием. Это и Эмиль Верхарн (1855–1898), чей первый сборник назывался «Фламандки» (1883); и Жорж Роденбах (1855–1898), автор знаменитого романа «Мертвый Брюгге» (1892).

Писатели, стоявшие у истоков Фламандского движения («фламминганти»), избрали в основном второй путь и охотно вступали во взаимодействие с северными собратьями. Важной вехой стал Языковой конгресс 1841 г., на котором они решили следовать тем же орфографическим правилам, что и «северяне». Хотя к партикуляристам, не желавшим идти на сближение с кальвинистами-оранжистами, принадлежал такой крупный поэт, как Гидо Гезелле (ему посвящена отдельная глава), они были в несомненном меньшинстве. В Языковом конгрессе 1841 г. участвовали, среди прочих, крупнейший фламандский прозаик, которого называют «человеком, научившим свой народ читать» (“de man die zijn volk leerde lezen”), Хендрик Консянс (см. главу далее) и поэт **Карел Лодевейк Ледеганк** (K. L. Ledeganck, 1805–1847). Его перу принадлежит поэма «Три города-брата» (“De drie zustersteden”, 1846), воспевающая старинные фламандские города Гент, Брюгге и Антверпен, которую называют «евангелием Фламандского движения».

К следующему поколению фламмингантов принадлежал рано умерший от чахотки поэт **Альбрехт Роденбах** (Albrecht Rodenbach, 1856–1880). Строка из его «Песни сынов Фландрии» (“‘Het lied der Vlaamse zonen”, 1875), вызывающая ассоциации с «Песней о буре вестнике» Максима Горького, стала боевым кличем Фламандского движения: “Vliegt de Blaauwvoet? Stoptm op zee!” — «Летает буре вестник? Шторм на море!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Какие черты романтизма в личности и творчестве Билдердейка вы можете назвать?
2. Почему журнал “De Gids” получил прозвище «синий палач»?
3. Попробуйте перевести в рифму эпиграммы Старинга.
4. Согласны ли вы с тезисом, что полноценная юмористическая литература возникает лишь в эпоху романтизма?
5. Что изменяется в колониальной политике Нидерландов после наполеоновских войн?
6. Что такое Фламандское движение? Чем отличается его второй этап от первого?

ГЛАВА 12

НИКОЛАС БЕЙТС (ХИЛДЕБРАНД) NICOLAAS BEETS (HILDEBRAND)

(1814–1903)

Николас Бейтс, писатель и пастор, опубликовавший свою самую знаменитую книгу «Камера-обскура» в 1839 г. под псевдонимом Хилдебранд, в Нидерландах до сих пор остается одним из любимых писателей-юмористов. В списке самых значительных произведений нидерландской литературы за всю ее историю, составленном на основе широкого голосования в 2002 г., «Камера» занимает шестое место. Бейтс часто сравнивают с его ровесником Чарльзом Диккенсом (1812–1870). Обаяние «Камеры-обскуры» заключено не только в изящном юморе, не только в богатстве языка или на редкость естественной тональности, но и в обстоятельных, исполненных любви и тепла описаниях неторопливого быта и добродушных нравов обитателей голландских провинциальных городов в эпоху Бидермейера. Харри Мулиш (см. главу во II томе) писал в 1970 г. о том, как несколько его знакомых объединились в клуб поклонников Бейтса, учили наизусть целые страницы из «Камеры-обскуры» и соревновались, кто лучше помнит подробности.¹

Николас Бейтс родился в Харлеме в семье аптекаря. С 1833 по 1839 г. учился на теологическом факультете Лейденского университета (тогда называвшегося Академией). В университете был членом студенческого литературного клуба, увлекался европейским романтизмом. Он боготворил Байрона и сам написал три романтические поэмы о пылких и страстных героях, которые не могут найти счастья в этой жизни, борются, страдают и умирают непонятыми. Все три поэмы названы по именам этих героев:

¹ См. J. Brouwers. *Zachtjes knetteren de letteren*. 1975.